
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

НОМО TANGENS, ИЛИ ЧЕЛОВЕК ОСЯЗАЮЩИЙ И ОСЯЗАЕМЫЙ*

Я. Мизиньска

Кафедра философии культуры
Университет Марии Кюри-Склодовской
Пл. Марии Кюри-Склодовской, 4/152f, Люблин, Польша

Статья посвящена анализу понятия «осязание», которое рассматривается во всех его аспектах и измерениях. Автор ставит перед собой цель выяснить, чем с точки зрения философии является осязание, каковы его основные виды, какие функции традиционно (т.е. до появления виртуальной реальности) выполнял каждый из них. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о важности осознания роли и значения человека как *homo tangens* — человека осязющего и осязаемого.

Ключевые слова: осязание, объектное осязание, субъектное осязание, метафизическое осязание, субъект-в-процессе, телосфера.

Наконец, мы заметим, что статуя сможет сказать «я», лишь только произойдет какое-либо изменение в ее ощущении. Следовательно, это ощущение и ее «я» первоначально тождественны, и, чтобы открыть, на что она способна при содействии одного лишь осязания, достаточно наблюдать различные модификации основного ощущения, или «я».

Ettienne Bonnot de Condillac. Traktat o wraźeniach.

«Неосязаемость» виртуальной реальности. Слово «осязание» — одно из самых обычных. Оно относится к обыденному языку, и оттого кажется, что смысл его очевиден и однозначен. Нет необходимости давать ему определение, потому что каждый понимает, о чем идет речь. Эта очевидность проистекает из того факта, что мы постоянно к чему-то прикасаемся; в известном смысле осязание делает возможной саму жизнь, не говоря уже о деятельности. Несмотря на эту мнимую обычность и очевидность, все то, что связано с *осязанием* и *прикосновением*, в последнее время создает все больше проблем в практической плоскости, а потому и в теоретических вопросах. Основная причина — неслыханный технический, тех-

*Перевод с польского Н.М. Гусейновой.

нологический, информационный прогресс, результатом которого стало появление особой виртуальной реальности. Само ее название говорит о том, что она противостоит действительности. Их контраст подчеркивают лаконичные и забавные коллоквиализмы — «виртуал» и «реал». Два человека, познакомившиеся в Интернете и договорившиеся о личной встрече, не могут быть уверены в том, что личная информация, которую они до этого сообщали друг другу, подтвердится. Как известно, можно создать себе любую внешность, подчас не имеющую ничего общего с реальной, или даже вызвать к виртуальной жизни совершенно фиктивный персонаж. В подтверждение приведу историю, произошедшую с моей знакомой. Она познакомилась в Интернете с мужчиной, влюбилась в него, и этот роман продолжался несколько лет. Но в какой-то момент он перестал выходить на связь. Женщина впала в отчаяние, считая, что ее бросили (хотя ни разу не встречалась лично с предметом своей любви). Она хотела, по крайней мере, прояснить ситуацию. Несмотря на продолжительные поиски, ей не удалось напасть на след любимого. Она металась между двумя версиями: он умер или кто-то реальный «выдумал» этот персонаж и в определенный момент решил его «уничтожить». Вполне вероятно, что женщина влюбилась в *выдуманного* мужчину, однако, несмотря на это, ее чувство — сначала любовь, а потом отчаяние — было *подлинным*. В то же время хотелось бы обратить внимание: нет возможности выяснить, кем является реальный человек, который сначала создал своего виртуального клона, а потом волевым актом его ликвидировал. Но тогда по кому из Адамов плачет вдвойне обманутая Ева?

Лишь столкновение с реальной действительностью, имеющей три измерения, которую можно потрогать, ощутить, может сегодня подтвердить или опровергнуть предположение о фактическом существовании виртуального знакомого в образе, хотя бы внешне напоминающем его медиальный автопортрет. Причем недостаточно даже самого точного визуального свидетельства: ведь можно преобразиться и по-актерски сыграть выдуманную «идентичность». Так каков же окончательный тест на аутентичность/неаутентичность существования? В поисках ответа на этот странный вопрос задумаемся не столько над онтологическими различиями между бытием и небытием, сколько над различиями между бытием реальным и бытием иллюзорным (мнимым).

Допустим, разница между «реалом» и «виртуалом» сводится к тому, что первый имеет три измерения: его можно пощупать и потрогать, «освидетельствовать» при помощи осязания; другой воспринимается прежде всего зрительно и только во вторую очередь при помощи слуха. Таким образом, его можно видеть и слышать, но нельзя трогать и осязать. Несмотря на «энигматическое существование», такая виртуальная действительность, как об этом свидетельствует описанный случай, оказывает необыкновенно сильное воздействие на мышление, поведение и поступки отдельных людей.

В ситуации, когда оба этих мира существуют бок о бок и хочешь не хочешь соприкасаются друг с другом, а иногда накладываются один на другой, все чаще случаются разного рода «онтологические ошибки» — виртуальные существа воспринимаются как реальные, а реальные недооцениваются или игнорируются (особенно те, что не представлены в средствах массовой информации). Появление

на экране телевизора означает, что тот или иной человек и его «продукт» дойдут до миллионов телезрителей и будут «существовать» в их сознании, станут известными и знаменитыми, независимо от наличия у них реальных достоинств. Отсутствие такой рекламы уничтожает претендентов на славу, они перестают существовать в публичном «потреблении». Понятно, почему менеджеры вкладывают такие огромные усилия и деньги в «продвижение» (т.е. искусственное выпячивание) того или иного творца, или «celebrity», как понятны и его собственные интенции, иронически определяемые как стремление «попасть в ящик». Таким образом, сила массмедиа проявляется через их квазионтологические возможности. На самом деле они не в состоянии сотворить кого-то или что-то, но могут создать его благодаря тому, что узурпируют право решать, кто и что ценится на общественном рынке. Это двоякая сила: с одной стороны, она неожиданно выводит из тени, с другой — столь же быстро может ввергнуть в публичное небытие. В этой связи многие люди стремятся «засветиться» в медиа, как в волшебной машине, которая обеспечивает им частое появление перед публикой и благодаря этому — существование. Обычный телезритель безгранично верит увиденному, не зная сложных механизмов создания медиальных картинок и не осознавая манипулирования артефактами. Он лишен также возможности их верификации, поскольку они являются исключительно его глазам и ушам. Более того, общение с неосязаемой виртуальной квазиреальностью провоцирует копирование наблюдаемого поведения и мечты о «существовании» в ней. Пространство виртуального мира характеризуется отсутствием каких бы то ни было ограничений, кроме фантазии своего творца, поэтому в нем возможна «невыносимая легкость» наполовину фиктивного бытия. Когда-то говорили: «Бумага все стерпит». Еще более терпим Интернет, который вмещает буквально все: мудрое, доброе, прекрасное, благородное, истинное точно так же, как злое, глупое, омерзительное, вредное, разрушительное.

Наиболее характерной особенностью виртуального бытия является его энигматический онтологический статус — двусмысленный, неясный способ существования. Человек наивный, не задумывающийся о различиях между тем, что можно увидеть, и тем, что можно осязать, может легко попасть в ловушку, ставя при этом под угрозу здоровье и даже жизнь. В качестве иллюстрации приведем аутентичный случай: маленький ребенок прыгнул с балкона, уверенный в том, что полетит и благополучно приземлится, как герой его любимого мультика. «Мультик» — подходящее слово. С его помощью можно дополнительно подчеркнуть обсуждаемые здесь различия двух миров. Виртуальный мир соотносится с реальным, как рисованный фильм с фильмом игровым, в котором заняты настоящие актеры, действующие в трехмерной сценографии. Трагические ошибки допускают и неопытные дети, и высокообразованные взрослые. А потому необходимо осознавать источник и природу угроз, возникающих на стыке виртуального и реального миров. Там, где они пересекаются, имеет место конфронтация различных тестов на подлинность. Виртуальная действительность, называемая также медиальной, исходит из принципа: существовать — значит быть воспринимаемым. Реальная действительность придерживается критерия здравого рассудка: существовать —

значит быть осязаемым. Для первой «коронным свидетелем» является зрение, для второй — осязание. В связи со столкновением двух миров, двух критериев существования и познания (возможность увидеть *contra* возможность осязать) упоминавшаяся в начале статьи обычность, естественность, очевидность осязания должна быть подвергнута сомнению. В новой ситуации, когда в двойственном мире существуют объекты только видимые и объекты видимые и осязаемые, меняется содержание и смысл классической теории истины. Она гласит, что истина есть соответствие мысли/суждения объектам. Проблема в том, что не определен статус объектов, с которыми мы должны соотносить образы, мысли и суждения о них. Прежде достаточно было их увидеть, чтобы удостовериться в том, что они действительно существуют (отсюда заранее предполагаемое доверие к свидетельствам очевидцев). Сегодня же нам требуются дополнительные свидетельства того, что предметы, которые мы видим, не являются всего лишь искусно вымышленными фантомами чужого или нашего собственного сознания.

Инстанция, которая должна решить дело, — осязание. Взять предмет в руки, ущипнуть себя — рефлекторный тест, позволяющий установить, сон это или явь. В ином случае судьей является уже не обычное прикосновение к вещи, но *боль*, причиняемая в случае намеренно усиленного давления со стороны вещи. Если мы проигнорируем эту «онтологическую недоверчивость», то можем легко стать жертвами специфических онтологических иллюзий, которые, кстати говоря, еще несколько сот лет назад предвидел Декарт. Создавая свой метод, позволяющий отличать правду от лжи и призванный гарантировать не подлежащую сомнению достоверность познания, он использовал вымышленный образ злого демона, которому приписал интенцию намеренно вызывать в человеческом сознании иллюзии и заблуждения, провоцировать видения, как бы существующие объективно, но являющиеся проекцией дьявольского умысла. Современная цивилизация в определенной степени — воплощение опасений Декарта. Без участия дьявольских сил люди сами построили Матрицу — полуфантастический мир умственных конструкций, который, выполняя множество полезных функций, одновременно становится причиной ошибок, имеющих трагические последствия. Он также обуславливает драмы многих людей, сначала вознесенных на вершины, а по истечении знаменитых «пяти минут» низвергнутых в «могилу забвения». Хотя они и продолжают жить, но с осознанием пережитой несправедливости, как будто их лишили чего-то важного.

Таким образом, возникает насущная потребность специального рассмотрения вопросов, связанных с осязанием, и в первую очередь изучения его с точки зрения того, может ли оно и дальше играть роль решающего критерия, когда необходимо установить, существует ли объект на самом деле или как бы существует. Другими словами: можем ли мы полагаться на осязание как на окончательный «трибунал реальности»? Эту цель и преследует наше исследование: рассмотреть, чем с точки зрения философии является осязание; каковы его основные виды, какие функции традиционно (т.е. до изобретения виртуальной реальности) выполнял каждый из них; что изменилось в этой сфере под влиянием виртуальных миров.

В качестве исходного используем тезис, что осязание представляет собой неизменный атрибут и одновременно условие человеческой экзистенции. В связи с этим за наиболее существенное определение человека примем, что он является homo tangens — существом осязающим и осязаемым. Все остальные характеристики нашего вида должны опираться на это исходное свойство как на фундамент. Приоритет осязания по сравнению с остальными чувствами (и способностями) обусловлен тем, что оно, говоря словами Кондильяка, использованными в качестве эпиграфа, позволяет испытать основное ощущение — ощущение Я. Это ощущение имеет место на стыке субъекта и объекта и в этот момент является доказательством существования обоих — осязающего и осязаемого. На этом также основана его роль «коронного свидетеля» существования чего-либо.

Объектное осязание. Начнем рассмотрение осязания с точки зрения того, что является его объектом. Сразу же возникает оппозиция: в этой роли может выступать бесчувственный объект или чувствительный субъект. Несмотря на то, что само действие осязания в обоих случаях представляется идентичным, чувства осязающего, как и их восприятие и оценка наблюдателем, совершенно различны. В первом случае, когда человек касается мертвого, бездушного предмета, речь не идет ни о каких высших — нравственных — соображениях, только о познавательных и практических как максимум эстетических (например, отвращение к грязи или чему-то ослизлomu). Во втором случае, когда действие осязания имеет место при контакте между людьми, нравственные, моральные аспекты (или шире — гуманистические) в неотъемлемой на этот раз оценке осязания выходят на первый план.

Первый вид, нравственно нейтральное осязание, назовем объектным осязанием по той причине, что взаимодействующими сторонами здесь являются осязающий субъект и осязаемый объект. Хотя такое взаимодействие и кажется очень простым, на этом уровне необходимы уточнения. Способ восприятия объектного осязания зависит от того, какая из сторон его инициирует. Здесь необходимо вспомнить, что чувство, с помощью которого осуществляются акты осязания, относится к контактным (в отличие от дистантных, или действующих на расстоянии, таких как зрение и слух). Осязание требует непосредственного соприкосновения с объектом и реализуется только в этом случае. Специфика осязания, в буквальном смысле слова самого контактного из всех чувств, выражается в том, что в процессе участвуют два равноправных актора — субъект и объект. И хотя оба должны одновременно «участвовать в акции», инициатором контакта в каждом конкретном случае может быть любой из них. Примечательно, что, когда человек преднамеренно и охотно прикасается к выбранному объекту, реакция его совсем не такая, как в случае когда этот объект без предупреждения и позволения прикасается к нему: он чувствует себя задетым, в том числе и в значении «уязвленный» «обиженный», рассматривая этот факт как ущемление своего достоинства.

Ограничивая проблему соотношением «человек — предмет», мы подчеркиваем тот факт, что осязанию мы обязаны информацией как о реальном существовании, так и об объективных характеристиках предмета, что служит проявлением

и одновременно реализацией познавательной функции осязания. Желая сориентироваться в физических характеристиках вещи, мы берем ее в руки, ощупываем подушечками пальцев, прижимаем к щеке и так определяем вес, фактуру поверхности, температуру, консистенцию. Так происходит, когда инициатива принадлежит нам и нами движет исключительно познавательная мотивация. Совершенно иначе мы переживаем ситуацию, когда какая-нибудь вещь неожиданно «нападает на нас», нас «толкает». Бывает, что это приятно, как нежное прикосновение к щеке опадающих лепестков цветущей вишни, но прикосновение может быть и неприятным и даже болезненным, например, в случае неожиданного падения на голову прохожего пресловутого кирпича. Во втором случае мы воспринимаем это как что-то вроде атаки, чреватой нанесением телесных повреждений или даже угрожающей жизни, злимся и на кирпич, и на халатного хозяина дома. Такого рода несчастные случаи, суть которых заключается в «атаке мертвых предметов», бывают разными в зависимости от масштабов и тяжести последствий — от незначительных столкновений, небольших коллизий, до катастроф, которые имеют место, когда знакомые и освоенные вещи вдруг начинают вести себя поразительным образом и «жестоко». Во время землетрясения, лесного пожара или цунами дружелюбные дотоле стихии внезапно обнаруживают всю свою мощь, которую люди воспринимают как нацеленную против них. Она их пугает, нередко наносит физические увечья. В момент катастрофы нет времени на познавательное общение с предметами — познавательная функция притуплена или полностью элиминирована. А потому следует учитывать только вектор (кто или что иницирует непосредственный контакт) и силу воздействия. Этот параметр описывает богатый словарный набор, учитывающий все оттенки, начиная от «мазнуть» и кончая «разбить», «растоптать», «смять», «раздробить», «раздавить».

Когда в качестве «агрессивной» стороны выступает субъект, ситуация, хоть и асимметричная, выглядит так же. Человек тоже использует множество способов и оттенков прикосновения к вещам. Он может брать их осторожно в руки, чтобы «рассмотреть» подушечками пальцев — так дотрагивается до скрипки настраивающий ее музыкант, так действует энтомолог, осторожно вынимающий бабочку из сачка. Речь идет о том, чтобы, снимая с вещи «познавательный оттиск», не повредить ее форму, структуру или внешний вид. Другое качество приобретает контакт с предметами, выступающими в качестве орудий. Когда мы берем ручку, чтобы поставить подпись, или зажигалку, чтобы разжечь костер, эти дружелюбные, удобные, созданные людьми предметы становятся чем-то вроде продолжения руки, превращающейся в своего рода «орудие орудия». Человеческие руки создают их, чтобы потом иметь возможность «использовать» их. В основе идеи создания и производства орудий лежит их покорность людям. Когда хотят дезавуировать поведение человека, говорят: он стал «покорным орудием» в чьих-то руках. Это определение указывает на своеобразную аксиологическую градацию бытия. Человеку, который является субъектным и личностным бытием, необходимы вещи и предметы, но в аксиологическом смысле он ценит их как «бездушные». Когда его самого трактуют как предмет, он обижается и бунтует против такой «деградации».

Субъектное осязание и опасности его деградации. Перейдем теперь к рассмотрению осязания такого рода, когда обе стороны — пассивная и активная, осязающая и осязаемая — люди: я прикасаюсь к тебе, ты прикасаешься ко мне. Такое осязание мы называем осязанием субъектным. В общем и целом эта ситуация идентична предыдущей, когда процесс осязания объединял людей и вещи. Однако это иллюзия, ложный образ. Независимо от силы воздействия, когда одно человеческое тело осязает другое, их контакт никогда не носит исключительно познавательного характера, нейтрального с точки зрения чувств и нравственности. По сути дела, не существует чего-то такого, что можно было бы назвать «человеческим телом», в полной мере аналогичным «телу физическому». Телесность — это только один из аспектов бытия человека, которое является не только субъектным, но и личностным. Пока мы живы, наше проникнутое духом тело находится, кроме прочего, под особой нравственной, моральной и правовой защитой. Никто не имеет права притрагиваться к нему без разрешения — в этом смысле оно неприкасаемо. Принадлежит мне (в известной степени будучи мной), мое тело находится исключительно в моем распоряжении. Только я сама могу регулировать доступ к нему, даже когда речь идет о невинном — познавательном — прикосновении. Принцип психосоматического единства человека означает, что каждая частица тела пронизана психическими и духовными элементами. Под этим углом зрения имеет смысл перечитать Библию, особенно Псалтырь: почти каждая часть человеческого тела — глаза, ноздри, уши, почки, печень, ноги, руки и т.п. — имеет свою религиозную, сакральную символику, а некоторые, такие как голова и сердце, окружены почетом и уважением. Впрочем, с библейской точки зрения, их заслуживает все человеческое тело.

В то же время с точки зрения религиозной этики, как и светской, нет, за исключением убийства, более тяжкого преступления, чем насилие и торговля «живым товаром», т.е. отношение к другому человеку как к «живому предмету», который служит для удовлетворения физиологических потребностей или извлечения материальной выгоды. Пренебрежительное отношение к «бездушным вещам», противопоставляемым «одухотворенному человеку», обусловило тот факт, что некоторые до сих пор не могут простить Аристотелю, что он называл рабов «говорящими орудиями», отказываясь признавать их полноправными людьми и соглашаясь, что на них не распространяется принцип телесной неприкосновенности. Хотя нравственный прогресс оценивается по-разному, можно усмотреть его как раз в том, что в ходе истории социальные группы, на которые не распространялся принцип неприкосновенности (рабы, женщины, маленькие дети, цветное население колонизированных территорий и т.д.), постепенно вовлекались в сферу его действия.

Свое завершение процесс субъективизации и аксиологизации человека и распространения на всех людей принципа неприкосновенности получил у Канта. Категорический императив строго предписывает трактовать человека не иначе как наивысшую ценность. Тем самым он запрещает использовать другого как средство — орудие труда, источник удовольствия или товар. Вклад христианства в нравственный прогресс человечества — это представление о своеобразной свя-

тости тела не только при жизни, но и после смерти. Во время погребальной службы имеет место освящение гроба, которое сопровождается молитвой, гласящей, что почивающее в нем мертвое тело было «сосудом Духа Святого» — так телу умершего оказывается уважение и честь. Покушение на эту честь, как и на прах, осуждается, карается как профанация, осквернение чего-то, что по сути своей всегда остается сакральным как освященное прикосновением Святого Духа.

Хотя бы с учетом приведенных выше доводов, указывающих, что культура разработала целую «систему обороны» человеческой телесности, проблема телесного (человеческого) осязания должна восприниматься и трактоваться иначе, чем проблема объектного осязания. Последнее, имеющее познавательный или практический характер, не подпадает под нравственные каноны. Как максимум речь может идти о безопасности и гигиене. Субъектное осязание, напротив, провоцирует синдром гуманистических соображений, которые необходимо учитывать всегда, когда человек прикасается к человеку в буквальном смысле (телесный контакт) или переносном (психический и духовный контакт). Тут имеет смысл обратиться к чувствительности разговорного языка, в котором отразились различия между следующими ситуациями: «невольнo я дотронулся до ее волос» и «меня задело, что шеф не подал мне руки». Хотя и там, и тут речь идет о телесном контакте, в первом случае невольное прикосновение скорее имеет характер предметного осязания, во втором отсутствие желаемого прикосновения воспринимается как неуважение. Это очевидный довод в пользу того, что осязание, прикосновение, касание — категории двусмысленные. И их двусмысленность или, точнее, двойственность их значений вытекает из того, что мы, по Паскалю, — существа, в которых совмещается «звериное» и «ангельское» начала.

Так или иначе, невзирая на осознанные благие или враждебные намерения, вступая с другим человеком в телесный контакт, мы одновременно контактируем с ним психически и духовно. Чужое прикосновение не только осознается, но и переживается как осязаемое проявление чувств — симпатии, нежности, любви, молчаливого понимания или, напротив, отвращения, отторжения, омерзения, гнева, враждебности, ненависти. Если осязательный контакт человека с предметом как нравственно нейтральный не обусловлен моральными нормами и запретами, то прикосновение как способ телесного соединения одного человека с другим является предметом нравственной оценки и соответствующего регулирования. Оно подлежит осуждению и наказанию, когда нарушаются запреты, связанные с телесной неприкосновенностью. Это относится не только к брутальным формам, когда человека избивают, пинают, толкают, топчут ногами, но и к самым деликатным прикосновениям, если они не были разрешены. Поэтому хорошее воспитание предписывает произносить слово «извините» каждый раз, когда невольнo, например, в толпе мы толкнем незнакомца локтем или наступим ему на ногу. Обеим сторонам такого телесного контакта неприятно, что в какой-то момент они, сами того не ведая, поступали механически, будто неживые предметы.

Анализируя этот чрезвычайно интересный феномен нравственной и правовой защиты человеческого тела от невольных прикосновений, имеет смысл исполь-

зовать оригинальное понятие «телопространство», введенное немецким феноменологом Германом Шмитцем. Оно подразумевает, что границей человеческого тела нельзя считать кожу, оснащенную сигнальными устройствами, предупреждающими, где кончается Я и начинается не-Я. Наше тело окружено невидимой, но отчетливо ощущаемой сферой, проникновение в которую постороннего вызывает у нас раздражением и стремление защититься. Отсюда можно было бы сделать вывод, что привилегия неприкосновенности распространяется и на это ближайшее к нам пространство, исполненное нашим в нем присутствием, в котором мы живем. Однако то, что наша индивидуальность «не вмещается» в видимые невооруженным глазом границы кожи, имеет позитивные последствия. По мнению Шмитца, подобно зрению и слуху, осязание обладает специфическими возможностями телосферической коммуникации, демонстрирует способность осязательного проникновения в предмет и в известной степени присвоения его. Человек, в совершенстве владеющий каким-либо инструментом, например, фортепьяно, пишущей машинкой, автомобилем, обращается с ним, как с подвижными частями своего тела: играет, пишет, управляет машиной и т.д. вслепую. Тем самым достигается такое развитие осязательных возможностей, о котором еще в прошлом веке писал Герман Лютце: когда хирург, используя зонд, или пешеход, используя трость, чувствует то, что находится на конце этого орудия так, как если бы он касался этого непосредственно рукой. В данном случае, считает Шмитц, осязание заключает в себе предмет.

В свое время польский философ Здислав Цацковски назвал описанное явление «ручным мышлением». Предложенная немецким философом категория «телосфера» хорошо согласуется с этим. Сопоставляя и объединяя обе идеи, можно сказать, что человеческое тело, кроме материального, имеет своего рода ментальный аспект, исполнено интеллекта или особой мудрости, может использовать «язык тела». А потому, кроме защиты от нанесения физического вреда, оно имеет право претендовать на достоинство и уважение не меньше, чем душа, «носителем» которой оно является. В представленном здесь понимании тело не есть что-то отдельное от души и противопоставленное ей, оно скорее представляет собой один из аспектов человеческой индивидуальности, не отделимый от аспекта духовного.

Привилегия неприкосновенности выводится из ощущения целостности и автономности собственного тела, точнее, телосферы. Принадлежит мне и принимая участие в конституировании моего чувства самости, мое тело — исключительно моя собственность. Только я могу им располагать, управлять, распоряжаться как при жизни, так и после смерти. Без моего четко выраженного согласия никто иной не может не только нарушать его целостность, но даже прикасаться к нему. Исключением из этого правила являются некоторые болезненные состояния, в результате которых происходит потеря сознания — чтобы спасти меня от смерти, врачи имеют право проводить необходимые манипуляции с моим телом.

Субъект-в-процессе — прикосновение человеческое и нечеловеческое. Наиболее ярким примером привилегии неприкосновенности человека является запрет на убийство. «Не убивай» — универсальная, присутствующая практиче-

ски во всех религиях и культурах заповедь, точнее, запрет. Защищая жизнь индивида, опосредованно запрет на убийство призван гарантировать существование человека как вида. Холокост как крайняя форма его нарушения наглядно показал, насколько значима зависимость по линии индивида: отдавая приказ об уничтожении целой «неарийской» расы, нацизм, олицетворяемый Гитлером, стал виновником гибели миллионов людей. Тем самым ущерб был нанесен не только семьям убитых, но и всему роду человеческому. Потрясение и моральное негодование вызывает не только жестокое и последовательное причинение смерти миллионам жертв, но и нарушение языкового табу. Вместо слов «умерщвление» или «убийство» язык Третьего рейха, используя понятийный камуфляж, оперировал такими терминами, как «ликвидация» или «экстерминация». Если первые понятия — умерщвление, убийство — указывают, что речь идет о людях, то вторые — ликвидация, экстерминация, обработка газом, кремация — предполагают, что речь идет о вещах, причем выбракованных, низкосортных, лишних, ненужных, возбуждающих отвращение и омерзение, а потому заслуживающих устранения из культурного и гигиенического пространства.

Кроме преступных последствий, этот двойной — физический и нравственный — грех убийства людей имеет определенные «заслуги» в сфере расширения сознания. Прежде всего, ту, что сформулирована в сентенции, оглашаемой в момент вручения медали «Праведник мира». Подчеркивая героизм людей, которые, рискуя жизнью, помогали преследуемым евреям, она наделяет их действия метафизическим измерением: «Кто спасает одну жизнь, спасает весь мир», что можно рассматривать как инверсию утверждения «Кто убивает одного человека, убивает весь мир». Следовательно, массовое убийство людей равнозначно уничтожению миллионов отдельных миров, а потому — ограблению всего мира. Утрата касается всех — не только жертв, но и убийц, потому что и они являются элементом мира. Убийство и последующая профанация человеческих тел, выражающаяся в утилизации сожженных в крематории трупов и использовании пепла для удобрения полей, стали проявлением окончательной деградации *осязания*, проявлением *нечеловеческого осязания* человека человеком, т.е. такого, эффектом которого, с одной стороны, является физическое уничтожение «осязаемого», с другой — нравственное уничтожение «осязющего». Убийство является смертоносным «осязанием», а массовое уничтожение людей — «осязанием», убийственным для человечества. Именно поэтому проблема осязания не может быть исчерпывающе решена за счет обобщения результатов исследований, которые проводятся в рамках профильных наук (физиологии, психологии, социологии и специализированных разделов медицины). Она не может решаться и исключительно в рамках этики, культурологии или религиоведения. Проблема осязания — глубоко философская проблема. Ее осмысление посредством философской рефлексии и доведение до сознания человечества того факта, что проблема осязания имеет первостепенное значение, акцентирование внимания как на творческой, так и на разрушительной силе осязания может оказать более сильное влияние на наше будущее, чем справедливые призывы любить ближнего.

Существует немало определений человека, например: zoon politikon, homo sapiens, homo faber, homo viator, homo patiens, homo ludens, homo kreator, homo festivalus. Необходимо присовокупить к этому множеству еще одно — homo tangens — человек осязающий и осязаемый. Психиатр Фредерик Перлз в книге «Внутри и вне помойного ведра» пишет: «Мы (т.е. некое таинственное «я») не имеем организма, мы сами являемся организмами. Мы — целостные индивиды, но обладаем свободой выделять из этого целого многие аспекты. Выделять — не отнимать, не отрывать. Мы можем выделять в соответствии с нашими интересами поведение данного организма или его социальную функцию, физиологию, анатомию, то или другое, но должны быть бдительны и не принимать любую абстракцию за „часть“ целого. Нам необходимо иметь всю композицию абстракций, мы можем приближаться к познанию человека или вещи, но никогда не достигнем целостного осознания (говоря языком Канта — das Ding an Sich — самой вещи)» [7. S. 15].

Руководствуясь такими представлениями, среди совокупности гуманистических аспектов хочу выделить право граждан на все, что связано с ощущениями, — *ощущать и быть ощущаемым* — и выступить в его защиту. Ощущение не является просто одним из свойств, но атрибутом, т.е. чертой, конституирующей человека в той же мере, в какой это делает мышление, речь, страдание, работа, умение развлекаться, творить, праздновать. Более того, как основное чувство оно делает возможным проявление и реализацию других, более спектакулярных и глубоко специализированных функций. Его можно сравнить с живым фоном, на котором они разыгрываются. Правда, этот фон невидим, но, если бы его не было, немедленно остановился бы сам процесс жизни. Тем не менее нет достаточных оснований для сведения человеческой сущности к одной единственной строгой формуле. Человечность есть нечто потенциальное, а идеал, к которому она стремится, всегда реализуется лишь частично и каждый раз в новом варианте и форме. Человечность — в известной степени экспериментирование с идеей Человека. Полем эксперимента является необъятная сфера неисчерпаемых возможностей; неоднократные попытки, предпринимаемые и наугад, и осмысленно, ведут нас то в направлении *нечеловеческого*, то в направлении *надчеловеческого*. Мера того, что человеческое, а что нет (хоть некоторым и кажется, что она задана a priori), устанавливается a posteriori на основе рефлексии как над непосредственными, так и над отстоящими во времени результатами поступков и действий. Утопии «счастливых островов» на практике сменяются «нечеловеческой землей» и все время приходится начинать снова, каждый раз в чем-то ином усматривая надежду на исполнение мечтаний о полноте человечности.

Выдвижение на первый план всякий раз новых атрибутов и возможностей человека обусловлено также тем, что мы постоянно сталкиваемся с новым проблемами, вытекающими из анализа многообразных последствий экспериментирования, осуществляемого как в мире, так и в нас самих. В этом ключе следовало бы также понимать тезис, что человек не столько *есть*, сколько *становится*. Другая формулировка: человек — это *субъект-в-процессе*, существо, всегда пре-

бывающее *in statu nascendi*, никогда не осуществленное, не закрытое, незавершенное, неисчерпаемое, непредсказуемое, на все способное. Мы должны быть благодарны французскому мыслителю Юлии Кристевой за открытие и введение в научный оборот этого определения. Под *субъектом-в-процессе* понимается субъект, никогда не достигающий стабильности, не статичный; из-за этой изменчивости, неуловимости он должен время от времени представлять перед трибуналом, подвергаться суду. Иначе говоря, необходимо неустанно отслеживать, в каком направлении развивается этот процесс, каким содержанием наполняется субъект под влиянием пройденного пути: *субъект-в-процессе* — это осознающий и контролирующий, а следовательно, ограничивающий себя [4; 5; 6].

Поднимая вопрос о процессуальности и соотнося его с проблемой осязающего субъекта, следовало бы говорить также об *осязании-в-процессе*. Хотя это и звучит не слишком складно, такая формула указала бы на возможность и необходимость очеловечивания, гуманизации осязания. Ибо осязание является способностью потенциально двусмысленной — позволяет оказывать людям и вещам знаки внимания или выказывать им презрение. Оно может с чувством и уважением включать «мертвые предметы» в человеческую телосферу, в известном смысле оживляя их, но также может превращать людей в бездушные вещи или просто убивать. Если мы этого не осознаем, если осязание пустим на самотек, то оно может стать источником смертельной опасности. Выше я приводила примеры деградации и уничтожения как проявлений осязания. Для равновесия покажу более светлую его сторону в интервью Яцека Денеля (1) Дороте Водецкой (2), где он рассказал, что коллекционирует старые, никому не нужные предметы: «У меня, может, и нет ничего ценного — грабителю нечем разжиться, и с точки зрения антикваров это в общем и целом ничего не стоящее барахло, старый хлам. Но это теплые вещи, то, что по-английски называется „with human touch“, т.е. „несущие на себе человеческий отпечаток“; „with human touch“ дословно означает „с человеческим прикосновением, ощупанные“. В использованных вещах столько жизни!» [9. S. 23]. Человеческое прикосновение может «отнимать жизнь» у людей, а может оживлять и очеловечивать «мертвые» предметы.

Метафизическое осязание. В последнее время в связи с появлением упоминавшейся выше виртуальной реальности, в которой мы в принципе можем функционировать неосязуемо, проблема осязания выступает в новом неожиданном свете. Я имею в виду явление, которое выражается в тенденции (и даже требовании) бесконтактных отношений между людьми. Она отчетливо проявляется в категоричном разделении прикосновений на «добрые» и «злые» и, как следствие, в попытках внедрения определенных процедур в ту сферу, которая до сих пор рассматривалась как область стихийности, естественности, спонтанности. В связи с таким «аксиологическим завихрением» нарастает потребность осмысления, чем фактически осязание является для людей. В частности, необходимо исследовать, в какой степени его могут «обуздать» разного рода «процедуры» и существует ли вообще необходимость его «бюрократизации». Ставя эти вопросы, я исхожу из допущения, что в человеческой жизни осязание не является чем-то инцидентальным,

ситуативным, без чего в принципе можно обойтись. Напротив, человеческая экзистенция реализуется через прикосновение — в самом широком смысле через осязание. В определенном значении прикосновение выступает как условие появления на свет и существования каждого из нас, в другом значении оно — причина увечий и даже прекращения нашей экзистенции.

Чтобы уяснить, в каком множестве плоскостей разыгрывается драма человека как homo tangens, или существа *осязающего* и *осязаемого*, имеет смысл привести разные значения этого понятия. В латинском языке, который лежит в основе большинства европейских языков, находим следующие его значения:

— homo attingens — человек прикасающийся, присваивающий себе нечто, доходящий до какого-то места, занимающийся чем-то;

— homo attractans — человек прикасающийся, ощупывающий, покушающийся на что-то, стремящийся к чему-то, занимающийся чем-то;

— homo contingens — человек прикасающийся, достигающий цели, опирающийся на что-то;

— homo tangens — человек прикасающийся, берущий что-то, достигающий чего-то, употребляющий нечто в пищу, вспоминаящий, производящий впечатление.

Attingo, -ere, attingi, attingitum	прикасаться; что-то брать; доходить (до места), достигать; прикладывать, граничить; дотрагиваться (неприятно), задеть, напасть, ударить; касаться (иметь отношение к чему-либо), быть в неких отношениях; чем-то заниматься, взяться за что-то; затрагивать, касаться, вспоминать, упоминать (о речи)
Attrahere, -are, -avi, -atum	прикасаться, щупать; брать в руки; посягать, к чему-то стремиться; чем-то заниматься
Contingere, -ĕre, tigi, -tactum	привести в движение, дотронуться; ухватить, обхватить; достигнуть (цели), попасть, прибыть куда-то; соседствовать, граничить с чем-то; опираться на что-то; быть с кем-то в близких отношениях; быть в родстве; случаться; иметь отношение к кому-то, касаться, заниматься; осквернять, пятнать, заражать
Tangere, -ĕre, tetigi, tactum	дотрагиваться; обхватить; дойти (о месте), добраться, удостоиться чего-либо, граничить; повредить, взяться за что-либо; употреблять в пищу, увлажнять (водой); попадать куда-либо, ударять; волновать, трогать, захватывать, производить впечатление; затрагивать (в разговоре), упоминать, дразнить

Из представленной выше таблицы, которую специально для этой статьи составила филолог Малгожата Любаньска, следует, что разные значения слова «прикосновение» являются базой большинства практических и умственных операций, совершаемых людьми точно так же, как теоретических. Уже само начало человеческой жизни (и в смысле оплодотворения, и в смысле появления на свет ребенка) обусловлено прикосновением, причем других людей (взаимные прикосновения родителей в момент зачатия, затем врача, принимающего роды, медсестер, прикоснове-

ние матери к новорожденному). Можно сказать, что все рожденные обречены на прикосновения других. Прежде всего все мы родились благодаря телесному общению женщины и мужчины, им мы обязаны своим существованием. Профессиональный термин, обозначающий этот акт — соитие — в рассматриваемом аспекте является особенно выразительным, т.е. должно иметь место хотя бы кратковременное соединение двух взрослых людей, чтобы мог появиться третий — ребенок, потенциальный, обязанный им жизнью новый человек. Этот специфический вид родительского прикосновения следовало бы назвать творческим. Его результат — появление чего-то нового: в данном случае — живого существа, прекрасно и адекватно названного новорожденным. Прообразом в данном случае является библейское предание о сотворении человека, повествующее, как Бог вылепил тело первого человека из глины и только потом вдохнул в него душу: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [2].

Следует учесть, что сотворение человеческого существа происходило в два этапа: сначала как воплощение в материи божественного замысла, затем как одушевление созданного тела. Как первый, так и второй акт имел место в процессе непосредственного контакта Бога и его Творения. По свидетельству Писания, Бог «собственноручно» придал человеку форму (по своему образу и подобию), после чего наделил его (тоже собственным) духовным содержанием — «вдул в лице его дыхание жизни», — еще раз делая его своим подобием. Приобретенное таким образом богоподобие человека выражается в способности повторения креативного акта Творца. Кроме того, люди бывают творцами произведений искусства, науки, техники. Художники, мыслители, поэты, ученые, изобретатели подражают божественному акту творения в том смысле, что призывают к жизни нечто новое, прежде не существовавшее, произведение их ума, сердца и рук. И появление этого нового, точно так же как в акте божественного творения, невозможно без прикосновения. В буквальном смысле в процессе создания картин, статуй, фильмов, строительства соборов руки задействованы наравне с умом. И в переносном смысле — творческая мысль писателя, поэта, художника, «прикасается» к правде человеческой жизни. Гений Шекспира в том, что, хотя герои его пьес являются вымышленными (даже когда у них есть исторические прототипы), каждому зрителю они говорят правду о нем самом. Катарсис достигается за счет отождествления зрителя с перипетиями литературных героев. Великий художник как-то добивается до человеческого общего знаменателя, того, что является общим для всех: каждый из почитателей его творчества может написать над этим «знаменателем» собственный «числитель», что составляет его неповторимость. Таким образом, мы являемся своеобразным соединением всеобщего и уникального.

Шедевры искусства, по мнению Евгении Басара-Липец, — образчики ценностей [1. С. 9], их объединяет то, что они признаются бессмертными: «когда умолкает художник, его творение продолжает говорить». Им мы обязаны человеческому гению — он доходит до правды о человеке и мире и потом почти на ощупь воплощает ее в придуманных персонажах, которые «почти живые». Такое «прикос-

новение к сути вещей» гений осуществляет в акте интуиции, озарения, когда сливается человеческий лик с ликом правды. Тут имеет смысл вспомнить Платона, согласно которому совершенные идеи оставляют след в душе, как в воске, чтобы после ее воссоединения с телом их можно было вспомнить в акте познания. Познание в данном случае есть не что иное, как вызывание из клише пренатальной памяти сделанных ранее фотографий. Платон провозгласил концепцию врожденной истины; она «демократична», так как касается каждой души. Отталкиваясь от Платона, можно было бы сказать, что великий художник является тем избранным, кто отдает себе отчет в этой метафизической встрече, умеет передать другим то, что увидел глазами души, в материализованном произведении искусства сделать доступным свой эйдетический образ. В то же время не каждый, кто стремится стать творцом, на самом деле может покорить эту вершину. Резервируя особое место для гениев, остальных художников (и творцов вообще) мы обычно делим на великих, средних и заурядных, оговаривая особое место для графоманов. Положение на определенном уровне такой иерархии зависит от того, удастся ли автору (и в какой степени) постичь суть вещей, коснуться их интуицией — глазами сердца и ума. Шедевр — это некий «выстрел в десятку», попадающий в Правду, но ее не убивающий, а напротив, возвышающий. Так это понял Ц.К. Норвид: «Тебя не низвергаю! Я тебя возвышу!»

Хотя приведенные определения, касающиеся внутреннего общения с истиной, носят метафорический характер, они имеют отношение к специфическим формам осязания, правда, не телесного, не чувственного, а того, что творец ощущает всем своим существом. Когда из-за отсутствия таланта или недостатка решимости и смелости некто лишь вскользь касается подлинной правды, появляются «увечные» творения. За такое отступничество в угоду искушению быть модным или актуальным автору приходится расплачиваться недолговечностью, мимолетностью своих произведений. То, что гладко и приятно, едва ли трогает чувства зрителей, читателей или слушателей, вызывая у них кратковременное и неглубокое возбуждение. Художественная правда, напротив, трогает нас до глубины души, волнует, потрясает, поражает и — при первом соприкосновении — причиняет боль. Графомания как антипод гения — это противоположный по отношению к гению, крайний пример, поскольку в данном случае автор ограничивается удовлетворением желания писать, не заботясь о том, каким образом и с какой целью он пробует выразить. Его труд для него легок, временами он пишет автоматически, потому что не ощущает необходимости (или вообще ее не осознает) соотносить написанное со стандартом художественной правды. На противоположном полюсе ситуации — великий художник или мыслитель, который за свое будущее величие готов заплатить наивысшую цену и принести многочисленные жертвы. Это страдание — следствие страстного желания ничем не сдерживаемого углубления, погружения в материю жизни. Страдание художника, скрытое в его творении, таинственным образом достигает потребителя его творчества и проникает в него, потрясая до глубины души. И только такое, глубоко и намеренно пережитое творцом страдание имеет для потребителя очищающую силу.

Благодаря такой тотальной «встряске» становится возможна внутренняя реорганизация, появляется шанс сломать и сложить по-новому душевные «переломы». В известном смысле катарсис — это позитивная дезинтеграция, только сгущенная, укороченная, конденсированная. Согласно Казимежу Домбровскому, который является автором этой концепции, подлинная позитивная дезинтеграция происходит в самом индивиде, в то время как катарсис, вызванный и пережитый благодаря общению с шедевром, является как бы эхом, повторением на основе резонанса чужих интенсивных переживаний не только в воображении, но и в телосфере зрителя, слушателя, впечатлительного потребителя. Еще раз обратившись к понятию «телосфера», используем его для объяснения тайны катарсиса — внутреннего очищения под влиянием вторичного, «из вторых рук», переживания чужих драм. По мнению Шмитца, между партнерами может иметь место взаимный обмен импульсами. Тогда включение в телосферу принимает характер симбиоза, как в отношениях между наездником и конем, водителем и автомобилем, которые подстегивают и потенциально загоняют друг друга в опасный «амок скорости». Речь идет не об эмпатии, а о симбиозе, слиянии, совместно проделанной работе, сотрудничестве и до известной степени своеобразном сосуществовании в течение определенного времени двух различных существ. В это время они ведут и чувствуют себя так, как если бы были единым целым. «Из тех, что не „ты“ и не „я“ — а одно», — можно было бы повторить за Адамом Мицкевичем, который так описал отношения ближайших друзей Лешека и Мешека.

Катарсис был бы разновидностью такого симбиоза, но скорее на символическом уровне. Наблюдая в театре Леди Макбет, я *знаю*, что это перевоплотившаяся актриса в роли выдуманного персонажа, и тем не менее *переживаю* ее перипетии, как если бы она была реальным человеком, более того, «немножко мной». Чудо такого *переживания чужого переживания* возможно благодаря тому, что творец коснулся истины сопереживания. Чтобы это могло произойти, творец должен был обнаружить способность гениально чувствовать: прикоснуться или ощутить прикосновение Правды, а затем так ее воспринять и передать другим, чтобы ничего из нее не утратить. Мы как зрители присоединены к этой символической цепи: творец касается правды, заключает ее в своем творении, а сила и мощь этого *прикосновения* передается и позволяет зрителям пережить его волнение. Подобно тому, как *раненый ранил*, в данном случае *взволнованный — чужим ранением и страданием — волнует* через свое произведение. Катарсис в известном смысле позволяет зрителям компенсировать причиненное зло и страдания героев произведения. Испытывая эстетические переживания, которые затрагивают все самое человеческое в нас, мы как бы залечиваем раны мира, в свое время разорванного нашими бесчеловечными собратьями. Собственно к ним, к этим ранам и шрамам, человеческим увечьям обращаются великие художники, до времени срывая с них струпию в заботе о том, чтобы они, как писал Жеромский, «не зарастали рубцами подлости», но для них самих это занятие чрезвычайно болезненное.

Как и пьесы Шекспира, гениальные произведения Достоевского или Кафки были оплачены максимально дорого — добровольной пожизненной каторгой. От-

крытие «человеческого подполья», которое им удалось углубить, стало возможно потому, что они сами там побывали. Достоевский, прежде чем написать «Записки из Мертвого дома», провел среди каторжников несколько лет, сам осужденный на каторгу. Как автору «Записок из подполья», ему принадлежало исключительное право на трансляцию каторжных «правд» в человеческих образах. Он сам познал их в процессе наблюдений. В свою очередь, Франц Кафка, признанный пророком нечеловеческой правды о близящемся холокосте, каким-то образом заранее познал ее через самого себя. Будучи необыкновенно впечатлительным, обладая визионерскими способностями, в «Процессе» и «Замке» он обрисовал механизм, который вскоре должен был сменить его фантазмагории на чудовищную реальность сталинских судилищ и гитлеровских лагерей смерти. Благодаря своему гению он прикоснулся к ужасной правде о них еще до того, как она успела материализоваться. Кроме собственной боли он был способен почувствовать боль других людей и даже предметов. Об этом проникновенно пишет Ядвига Вайс: «Опыт боли является той средой, в которой жил и писал Франц Кафка. Такое одностороннее, монотонное „занятие“ лишает возможности отдохнуть, достичь внутреннего спокойствия. Кафка не принадлежит к мудрецам, которым удалось пережить глубокую трансформацию, достичь внутреннего спокойствия, дожить до седины. Натянутый, как тетива лука, он до конца остается в этой болезненной позиции: болит спина, деревенеет позвоночник и все тело. Это становится привычным каждодневным опытом Кафки. Знакомясь с повестями и короткими рассказами из сборника, названного „Новеллы и миниатюры“, читатель проходит длинной галереей кафкианской боли. Боль пронизывает не только тело человека, растения и животных, но и мертвые предметы. Кафка обменивается опытом боли с предметами. Вникает в то, что чувствуют вещи. Человек в его повестях испытывает то же, что испытывают обычные, привычные предметы из окружающего его мира. Он — мост, перекинутый над пропастью, металлическое ведро, которое катится по мостовой, никем не замечаемая мебель, мясо, поедаемое стервятником, детская игрушка, которую стегают кнутом. Он — улица, которая должна удерживать на своем теле всех ее обитателей и все происшествия... Это своеобразный, незнакомый мыслителям способ познания мира через опыт боли предметов. Человек может объять мир рефлексией, как если бы мир был живым телом. Это понимание и познание мира через жизнь, через опыт. Такой путь понимания мира столь же реален, как и путь рефлексии, хоть он и ассоциируется у нас с какими-то туманными мечтами. Понимание мира через жизнь, через опыт позволяет глубоко взглянуть в суть мира, который Кафка определяет как боль. И в этом заключается реализм Кафки, не сюрреализм, а именно реализм. Поскольку я испытываю реальную боль, у меня нет сил искать формы для ее выражения. Средством передвижения, с помощью которого Кафка путешествует вглубь мира, является нож, что вонзается в сердца его героев и его собственное» [8. S. 42].

Даже гении отличаются друг от друга диапазоном и типом чувствительности на прикосновение мира. В то время как Достоевский реагировал прежде всего на страдание и боль любого «оскорбленного и униженного» живого существа

(взрослого, ребенка, животного), Кафка был чувствителен и к незаметному для большинства страданию предметов. Их произведения — свидетельство необычной, но достижимой для некоторых людей чувствительности, благодаря которой они чувствовали себя *задетыми*, не только когда имели место непосредственные ранящие столкновения с людьми и предметами, но и когда такие раздражители достигали их иным, необычным путем. Следовало, видимо, сказать — *метафизическим*. Метафизическое осязание — понятие, которое можно использовать для размышлений об осязании по аналогии с метафизическим слухом Карла Ясперса. Оно также соответствует его концепции шифров трансценденции. Основная идея Ясперса заключается в том, что трансценденция не существует изолированно от имманенции, но пронизывает ее, приняв форму «шифров». Люди вооружены соответствующим аппаратом их дешифровки, хотя не все осознают этот дар. Те из нас, кто наделен исключительно талантливым метафизическим слухом, зрением и осязанием, умеют вникать в смысл читаемых знаков. Они не только открывают их смыслы, но и делают так, чтобы другие люди, знакомясь с их произведениями (в которых заключены разнообразные пробы их прочтения), могут обнаруживать, развивать и совершенствовать упомянутые чувства трансценденции.

Подводя итог этим размышлениям, следует подчеркнуть, что понятие *осязания*, рассматриваемое во всех его аспектах, должно занять подобающее место в ряду важных философских категорий как необходимое дополнение и обобщение детальных специализированных исследований его измеряемых аспектов. Здесь необходимо напомнить распространенное со времен Декарта утверждение, что человек прежде всего *существо мыслящее*. Это правда, но односторонняя: мышление, оторванное от конкретики, избавленное от материального и телесного субстрата, склонно впадать в избыточную абстракцию. Иногда оно может причинить больше вреда, чем пользы. Такую опасность сегодня несет виртуальная квазиреальность: она обходится без осязания, что, с одной стороны, высвобождает неукротимое воображение, с другой — провоцирует на безответственные поступки, имеющие трагические последствия. В качестве сильнодействующего примера можно привести детскую порнографию — это проявление крайней нечувствительности к деструктивной стороне осязания и его дегенерации. До тех пор, пока мы пользуемся осязанием неосмысленно, мы подвергаем себя и других опасности быть травмированными, обиженными или подвергнуться деструкции (моральное или физическое уничтожение через осязание). Остается надеяться, что осознание роли человека как *homo tangens* внесет вклад в гуманизацию осязания и будет стимулировать желание и способность использовать его творческую, исцеляющую и воскрешающую силы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Яцек Денель (р. 1980) — поэт, прозаик, переводчик и художник, «вундеркинд» новой польской литературы, один из самых узнаваемых представителей молодого поколения писателей.
- (2) Дорота Водецка — известная польская журналистка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Basara-Lipiec E.* Arcydzieło. Teoria i rzeczywistość. Instytut Kultury. — Warszawa, 1997.
- [2] Biblia to jest Pismo święte Starego i Nowego Testamentu. Brytyjskie i Zagraniczne Towarzystwo Biblijne. — Warszawa, 1979.
- [3] *Condillac E. B.* Traktat o wrażeniach / Przeł. W. Wojciechowska. PWN. — Warszawa, 1958.
- [4] *Kristeva J.* Od znaków do podmiotu / Przeł. Tomek Kitliński // Podmiot w procesie / Pod red. J. Jusiaka, J. Mizińskiej. Lubelskie Odczyty Filozoficzne, zbiór siódmy. Wydawnictwo UMCS. — Lublin, 1999.
- [5] *Kristeva J.* Korzenie intelektualne (wywiad Perry Meisela) / Przeł. A. Mizińska-Kleczkowska // Podmiot w procesie / Pod red. J. Jusiaka, J. Mizińskiej. Lubelskie Odczyty Filozoficzne, zbiór siódmy. Wydawnictwo UMCS. — Lublin, 1999.
- [6] *Kristeva J.* Obcość kulturowa i podmiot w kryzysie (wywiad Suzanne Clark i Kathleen Hulley) / Przeł. A. Mizińska-Kleczkowska // Podmiot w procesie / Pod red. J. Jusiaka, J. Mizińskiej. Lubelskie Odczyty Filozoficzne, zbiór siódmy. Wydawnictwo UMCS. — Lublin, 1999.
- [7] *Perls F. J.* Wokół śmietnika / Przeł. W. Marcysiak. Zysk i Ska. — Poznań, 2002.
- [8] *Wais J.* Pogrążony v noci // Kwartalnik naukowy. 1995. № 3—4.
- [9] *Wodecka D.* Dehnel. Cały jestem przywiązaniem // Gazeta Wyborcza, 5 marca 2010.

HOMO TANGENS, OR MAN TOUCHING AND TANGIBLE

J. Mizinska

Department of philosophy of culture
Maria Curie-Skłodovskaya University
Pl. Marii Curie-Skłodowskiej 4/152f, Lublin, Poland

The article is devoted to the analysis of the concept “*sense of touch*”, which is considered in all its aspects and dimensions. The author’s aim is to determine what is touch in terms of philosophy, what types it has and what traditional functions (i.e. prior to the emergence of virtual reality) each of these functions performed. The conducted research allows the author to make a conclusion about the importance of perceiving the role and significance of man as a *homo tangens* — man touching and tangible.

Key words: sense of touch, object touch, metaphysical touch, subject-in-the-process, body-sphere.